

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ВОПРОСЫ ИСТОРИИ,
МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ
И ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЯ**

Сборник материалов XI Международной
молодежной научной конференции
(Томск, 08–10 апреля 2015 г.)

Выпуск 11

Т. 1

Научный редактор А.Н. Сорокин

Томск
Издательский Дом Томского государственного университета
2015

П.А. Бояринова

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ПРОБЛЕМЫ ДИСЦИПЛИНАРНОСТИ И МУЛЬТИДИСЦИПЛИНАРНОСТИ

Данная статья раскрывает особенности использования понятия «гендер» в историческом исследовании с методологической точки зрения. Автором осмысливается место истории в мультидисциплинарном блоке гендерных исследований, а также роли междисциплинарных методов и подходов для развития исторической науки в целом. Особое место занимают размышления о будущем и возможной роли гендерного подхода в области всеобщей истории (на примере западной историографии последних лет).

Ключевые слова: гендерная история, женская история, мультидисциплинарные исследования.

За последнее столетие история, как и другие гуманитарные науки, пережила серьезные трансформации: историческая дисциплина прошла «кризис основ», болезненные дискуссии между представителями «классической» исторической школы и «новой исторической науки», само поле исторических исследований расширилось за счет включения ранее недоступных сфер прошлого, невообразимо увеличился методологический аппарат исторической дисциплины. Процесс утверждения междисциплинарных методов, в том числе через развитие и утверждение социальной истории, для которой характерно «стремление охватить социальное во всей целостности» [1. С. 116], неизбежно приводит в западной науке к рождению и мультидисциплинарных исследований, таких как *women studies*, *ethnic studies*, *urban studies* и многих других, включая такое достаточно молодое направление как *gender studies*, или «гендерные исследования».

Обнаружение и раскрытие феминистской философией процессов женской субъективации «другого» и важные последствия лингвистического поворота привели к критическому пересмотру установок и идей биологического детерминизма и полового диморфизма через категорию *гендера*, означенную как культурно-символическое определение пола. До этих поистине революционных событий биологический детерминизм делал категорию пола внеисторичной, а историю в целом бесполой [2. С. 407].

В меж- и мультидисциплинарных исследованиях история всегда играет огромную роль, так как не только дает богатый фактический материал для апробации методов и верификации теорий, предлагаемых в рамках других

гуманитарных дисциплин, но и позволяет при помощи своего уникального ретроспективного взгляда вскрывать основы и первопричины тех явлений и социальных институтов, которые имеют прямое воздействие на наше настоящее и, по-видимому, будущее.

Сама по себе гендерная история расширяет пространство исследований исторической науки, открывает новое измерение – измерение пола, которое придает дополнительную объемность исторической реконструкции. «Она предполагает не только экспертизу социально-исторических явлений с учетом фактора пола, но и изучение опосредованной отношения полов социальной действительности, ее изменений в пространстве и во времени» [3. С. 277].

Фернан Бродель говорил: «Для меня история – это сумма всех возможных историй, всех подходов и точек зрения – прошлых, настоящих и будущих» [1. С. 128], открывая тем самым для истории возможность расширения как объема исследований, так и методологии.

Исторически гендерные исследования, как и предшествовавшие им женские исследования, изначально зародились и институционализировались как междисциплинарные научные гуманитарные комплексы. Так они преподавались и преподаются в американских и европейских университетах ещё с 70-х гг. [4. С. 50].

Такое прочное переплетение дисциплин и различных методов, сложившееся для исследования определенной тематики, дает почву для размышления непосредственно о специфике, объекте и методах конкретных дисциплин.

Историк, занимающийся гендерными исследованиями, сталкивается с целым рядом методологических проблем и вопросов, требующих от него ответа, если не в масштабах всей исторической науки, то, по крайней мере, в масштабах отдельно взятого исследования. И в первую очередь это убеждение, что понятие «гендер»¹ само по себе уже определяет объект исследования гендерной истории.

Сложность понятия «гендер» состоит в том, что гендерные исследования связаны, с одной стороны, с феминистской философией, а с другой – с постмодернистской. Причём связь эта довольно тесная, сформировавшаяся на основании деконструкции фаллоцентристского дискурса [5. С. 14].

Разные философские направления в области постфеминистской и постмодернистской философии конструируют понятие гендера несколько по-разному, основываясь на различных теориях его происхождения. Два основных подхода базируются на теории желания Жака Лакана (концепции женской субъективности вне сферы фаллической экономики) и на теории власти Мишеля Фуко (концепции женской субъективности как телесной нормализа-

---

¹ Гендер – социокультурное определение пола (в общем смысле).

ции стратегий власти) [6. С. 14]. При этом различные подходы функционально применимы для разного типа исследований (в разных областях и субдисциплинах), так что выбор понятия «гендер» может быть продиктован как исключительно инструментальными мотивами, так и более глобально – целями и задачами работы.

Это подводит нас к ключевому моменту, не позволяющему допустить однозначность и одномерность гендерного подхода, – это объемность понятия «гендер». Этот конструкт охватывает сразу все сферы человеческой жизни, потому, используя эту категорию анализа, мы можем исследовать социальные гендерные отношения, гендерную идентичность (как составляющую персональной идентичности), экономические и политические гендерные институты, стереотипы и культурные нормы (т.е. идеи). Гендерная история не просто изучает историю женских или мужских жизней, а «историзирует сами понятия «женщина», мужчина», «гей» и так далее» [5. С. 213–214].

Несмотря на все вышесказанное, существует достаточно распространенное заблуждение, что гендерная история – часть социальной истории, а, следовательно, ее объект и предмет изучения не могут быть шире социальной истории. Однако мы уже отмечали, что гендерный подход может быть реализован не только в социальной истории. Таким образом, гендерную историю следует понимать как «часть академической исторической науки, без которой невозможно многогранное, *плюралистическое* понимание исторического процесса» [7. С. 117].

Кроме того, существующая специфика исторического знания накладывает не меньшие обязательства в определении объекта исследования и его границ (в первую очередь, временных). Из этого явствует, что объект гендерной истории не совпадает с объектом гендерных исследований, так как играет огромную роль своеобразие ретроспективного взгляда историка: специфика источников (источниковедческая), исторического метода, целей (цель истории состоит в реконструкции прошлого, для чего и применяются различные методы и теории, почерпнутые из других дисциплин).

Вместе с тем гендерная история – неотделимая часть гендерных исследований. Исследователи из других дисциплин пользуются данными, полученными историками. Историки, в свою очередь, используют теорию и методы, разработанные в других дисциплинах (философии, социологии, психологии, лингвистике и т.д.). Это не значит, что во время исследования нарушается принцип дисциплинарности, так как предмет исследования и цель исследования диктуются спецификой того понимания объекта, которое сложилось внутри дисциплины.

В пример можно привести концепцию «гендерного беспокойства», введенную Джудит Батлер. В книге «Гендерное беспокойство» (1990) Батлер, опираясь как на современное положение дел в американском обществе, так и на историю, наглядно показывает, как в европейском обществе появилась особая матрица, формирующая социально одобряемую идентичность через определенные нормы. В фаллоцентристском дискурсе мужское и женское посредством сексуального желания должны составлять бинарную пару, но это не всегда так. Если данное соответствие нарушается в патриархальной культуре, то возникает кризисная ситуация, названная Джудит Батлер «*гендерное беспокойство*» [8. С. 8]. Исследование подобных ситуаций раскрывает суть гендерного перформанса в культуре (т.е. открывает фундаментальные культурные и социальные коды, связанные с формированием хабитуса исторического субъекта).

В качестве примера использования методологии Батлер в историческом исследовании можно выделить книгу Кэтрин Лоу «Библия, гендер и история рецепции: дело жены Иова», в которой Лоу рассматривает, как в средневековой Европе сталкивались официальные взгляды на женские добродетели (характер, права, возможность работать, говорить в обществе и т.д.) и реальные случаи девиации, в которых женщина отклонялась от общепринятых норм. Каждая отдельная глава в книге – личная история конкретной женщины, ее семьи и окружения. Однако все они связаны тем, что их окружало «нескончаемое гендерное беспокойство», приводившее к тому, что им отказывали в женственности в целом, а затем – в нормальности и христианской святости [9. С. 24]. Несмотря на то, что нормы и стереотипы менялись в патриархальном европейском обществе, очевидным становилось одно – любое половое несоответствие по закону бинарных оппозиций уводило женщину от Бога и приводило к Сатане, не взирая на выполнение прочих христианских добродетелей.

Можно отметить, что для того чтобы использовать гендерный подход в истории, нужно поставить цель исследования, определиться с понятием гендера и с концепцией поло-гендерного различия. На основании этого определиться со сферой применения (в соответствии с целью), а затем с пространственно-временными границами объекта и предмета исследования.

Определив теоретическую основу, очертить объект гендерных исследований достаточно легко. Объект гендерной истории тесно связан с объектом социальной истории, но при этом *представляет собой особый срез социальной сферы на основании понятия «гендер»*.

Гендерный подход в истории создает особую сеть, отфильтровывающую информацию, содержащуюся в источниках, таким образом, что мы способны

выделить различные типы гендеров, охарактеризовать властные и иерархические отношения между ними (и созданные для их реализации институты), а также проанализировать отдельных субъектов с точки зрения их гендерной субъективности. Это делает гендерную историю не просто ответвлением социальной истории (психоистории или истории идей), но совершенно самостоятельной субдисциплиной.

Литература

1. *Бродель Ф.* История и общественные науки. Историческая длительность // *Философия и методология истории* : сб. ст. ; ред. И.С. Кон. М. : Прогресс, 1977. 336 с.
2. *Скотт Дж.* Гендер: полезная категория исторического анализа // *Введение в гендерные исследования*. Ч. II: Хрестоматия / под ред. С. Жеребкина. Харьков : ХЦГИ ; СПб. : Алетейя, 2001. 991 с.
3. *Введение в гендерные исследования*. Ч. I : учеб. пособие / под ред. И.А. Жеребкиной. Харьков : ХЦГИ, 2001. 708 с.
4. *Пушкарева Н.* Гендерная теория и историческое знание. М. : СПб., 2007. 496 с.
5. *Жеребкина И.* Субъективность и гендер: гендерная теория субъекта в современной философской антропологии. СПб. : Алетейя, 2007. 312 с.
6. *Пинчукова И.В.* Гендерный подход в исторической науке // *Известия АлтГУ*. 2007. № 4–2. С. 117–120.
7. *Butler J.* Gender trouble: feminism and the subversion of identity. Routledge, 1990. 272 p.
8. *Low K.* The Bible, Gender, and Reception History: The Case of Job's. Bloomsbury T&T Clark, 2013. 240 p.